

Дизайн автора

ЗАПИСКИ ИЗ ИНТЕРНЕТА

МНС – это мой новый ник, расшифровывается просто: „Моте Не Спится“. Под ним я буду рассказывать всякие пикантные истории. Что обозначает слово „пикантный“, я не знаю до сих пор, но подозреваю, что что-то остро приправленное, а может, и с легким душком. В некоторых странах пищевой душок считается деликатесом. Недавно один мой знакомый показал мне какой-то новый сайт в Интернете, где можно устроиться вместе со своими друзьями. Вход строго регламентирован хозяином – допуск только для своих, и обратная связь тоже по желанию хозяина, или как-то так, но при том, вроде, любой может там исповедаться, оставаясь инкогнито. Меня удивила исповедь одной женщины – она признавалась, что в юности крала вещи у подруг и еще что-то. Да, чувство вины в человеке сидит, как заноза, и его (ее) нужно регулярно извлекать. Я только не понял, ждут ли тебя на таком сайте сюрпризы, составляющие, по-моему, основную драматургию виртуального общения.

Итак **МНС**. Кстати, можете это переводить, как вам заблагорассудится. Даю первые пришедшие в голову варианты:

Маленькая Ночная Серенада

Младший Научный Сотрудник

Министерство Налогообложения и Сборов

Мор-Норильск-Строй

Мы Не Сеем...

Мотя Нас Стремает

Каждый может под этим ником рассказать свою историю, чтобы никому не было неловко и всем досталось бы поровну. Только пусть он к этому общему для всех нику добавит, скажем, + или – , или смайлика, или какую-нибудь букву, слово...

МНС+

Было мне лет двадцать пять, не больше. Скорее, даже меньше. Но больше, чем двадцать четыре. Хотя не знаю. Это смотря как считать. Но мне лень. Остановимся на двадцати пяти, потому что это более выразительно, чем двадцать четыре. Опять же, круглая дата. В каком-то смысле.

Дело было в Латвии, что немаловажно, потому что если бы дело было, скажем, на Украине я, возможно, поступил бы иначе. Итак, в Латвии я любил одну девушку. Мы с ней расстались, а через семь лет встретились. Зачем – не знаю. Очень уж воспоминания были красивые. В первой встрече ей было пятнадцать лет. Так что теперь выходило двадцать два. А мне соответственно двадцать четыре или двадцать пять. Не помню уж, на какой цифре мы с вами остановились. В эту вторую встречу я понял, что мы не встречаемся, а скорее прощаемся. Но этого я девушке не сказал, потому что мы каждый день целовались, и все шло к тому, чтобы БЫЛО ЭТО. И, пожалуй, нам обоим этого хотелось – мне больше из любопытства, потому что прежде мы не были близки, а

почему ей – я не знаю. Иногда мне кажется, что она хотела меня любить и быть мне верной женой и подругой, но этого я точно не могу сказать. Да она и сама этого не сказала бы. Женщины – существа непостижимые и снаружи и изнутри.

Ну вот, проведя в полуневинных ласках и поцелуях почти целый день, я возвращался в Ригу с дачи той девушки, в автобусе. Было уже поздно, на небе высыпали звезды, но окрест ничего не было видно – только бегущая под фарами мостовая, да придорожные кусты. И вот сижу я один слева и чувствую на себе чей-то пристальный взгляд. Я поднимаю глаза и вижу обладательницу этого взгляда, она сидит впереди, только на правой стороне и лицом ко мне. Надеюсь, я правильно обозначил мизансцену. Эти сидения, лицом к салону, а не боком, и сейчас в употреблении. Увидев, что я уже смотрю на нее, женщина не отвела глаз, а как бы подхватила мой взгляд, и подкрепила его своей полуулыбкой. На руках у нее была маленькая девочка, лет трех. Женщина была моих лет или чуть старше. У нее были тонкие черты лица, темные волосы, скорее всего, это была латышка, с этакой западной изюминкой раскованности и изыска в одежде и манерах. Подобное появилось в русских женщинах только в постсоветское время. Вот такая женщина смотрела на меня, не скрывая этого. Ехать было недалеко, и у меня было более чем достаточно времени, чтобы оценить ситуацию и принять какое-то решение. Верней, времени, пожалуй, и не было, потому что меня стало колотить, коленки чуть не ходили ходуном, и не от страха, а от волнения. Потому что это был тот миг, который выпадает очень редко, может быть, раз в жизни, и значит очень много, может быть – все. Я это каким-то образом чувствовал, и меня, естественно, трясло. А женщина все смотрела на меня, как бы продолжая знакомиться и с каждым взглядом все глубже проникая мне под кожу, в подреберье, в сердце, в душу. Наблюдение за мной, видно, ее удовлетворяло, потому что взгляд ее становился все теплее, увереннее и призывней, хотя и был лишен даже намека на пошлость, вульгарность и всякую там генримиллеровщину. Не знаю, как уж ей, с малышкой на руках, при явности своих намерений, удавалось не терять ни грана очарования, независимости и достоинства, но факт... Трясаясь, я, хотя и судорожно, но соображал о поводе, который заставил ее вести себя подобным образом. Одна. Почему-то одна. Муж ушел. Мужа нет. Муж в командировке. Или просто прилетел Эрот и выпустил стрелу. А я случайно оказался на или по пути. Короче, я принял вызов и тоже стал смотреть на нее тем взглядом, который у женщин не вызывает сомнений относительно дальнейшего развития ситуации. И когда автобус, где-то уже в пригороде Риги остановился, и она вышла, еще раз для верности призвав меня взглядом, она была абсолютно уверена, что я выйду следом. Но я остался. Дверца захлопнулась, автобус тронулся с места, и в слабом наружном свете я видел, как она идет с гордо поднятой головой, держа за руку малышку и будучи абсолютно уверенной, что я иду следом.

Что было потом, не знаю, – скорее всего, ее гневный хохот, разъяренное рычание, ненависть и проклятия, потому что только самый крайний идиот мог повести себя так, как повел себя я. До сих пор щеки мне обжигает стыдом.

Апология моего поступка

1. Наутро я должен был встретиться в Риге со своей девушкой – мы договорились, что она придет на квартиру, где я остановился, и где БУДЕТ ВСЕ, и я то ли решил сэкономить силы для завтрашних подвигов, то ли во мне заговорили остатки совести – к двадцати пяти годам я был хоть и довольно испорчен по части секса, но понимал, что с этой девушкой случай особый, и лучше мне блюсти себя.

2. Меня очень смущала маленькая девочка, тот прелестный ребенок у женщины на руках.

3. Я был уверен, что женщина – латышка и принимает меня за своего, а стоит мне заговорить с ней по-русски, как вся интрига тут же прекратится.

Но...

Я мог ее просто проводить, как джентльмен. Я и этого не сделал.

Я много чего мог, но не сделал ничего. Я праздновал труса.

Да, наутро я встретился с девушкой, и было ВСЕ.

Но это совсем другая история.

МНС посторонний

Идея, что женщина добропорядочнее мужчины, поскольку потенциально она мать и хранительница домашнего очага, не более чем мифологема. Не будем касаться проституции – хотя это наш главный козырь. Коснемся просто дамы приятной во всех отношениях, у которой все есть: любимый муж, положение в обществе, дети. Однажды я оказался рядом с такой в спальном вагоне „Стрелы“ на Москву – она ехала на какой-то важный съезд. В соседнем купе ехали весь вечер лебезившие перед ней подчиненные. Она была миловидна миловидностью женщины, которой хорошо за сорок, этакая деловая полнотелая блондинка, типа Думских дам. И вот я решил ее соблазнить – просто так, из спортивного интереса. На это мне понадобилось три минуты, ну, от силы пять.

Когда я пересел на ее постель и положил руку ей на грудь, она сказала:

„А если я сейчас закричу?“

„Тогда я уйду“, – сказал я.

Кричать она не стала. Да и какой смысл, когда я предложил ей весь арсенал мужских ласк. Грудь у нее были тяжелые, как глыбы, и такое же тело, но притом абсолютно послушное, удобное, поощряющее, так что я мог на нем творить чудеса. Потом она мне сказала, что первый раз в жизни изменила мужу и, судя по той неуклюжести, с какой она, постоянно вздыхая, принимала мои ласки, было видно, что ее любовный опыт, матери двоих детей, начался и закончился эдак тридцать лет назад, не обогатившись с тех пор ни на йоту. Потом она мне еще несколько раз звонила, но я ссылаясь на свою кошмарную занятость, а совсем недавно по прошествии десяти или более лет я ее случайно встретил в вагоне метро. Она стояла рядом со мной у двери и, слава Богу, меня не заметила. Конечно, она постарела, но что-то в ней еще оставалось, что-то такое, из-за чего я мог бы ее снова соблазнить.

МНС -

В молодые годы у меня была знакомая, что называется, жрица любви, по каковой причине я с ней не был близок, так как предпочитал выбирать преданных и верных подруг. Но она любила рассказывать мне о своих приключениях, поскольку я любил слушать. Она начала свой путь с семнадцати лет и к двадцати двум годам имела уже более тысячи любовников. Внешне она не была ничем примечательной, но фигуру имела стройную, в которой пышность форм сочеталась с тонкой костью и узкой талией. Такое мужчины любят. Так вот, она мне рассказывала, что обычно начинала день с интимной близости с одним, в обед продолжала ее же, близость, с другим, а вечер заканчивала близостью с третьим партнером. Практиковала она и любовь сразу с тремя партнерами. К тому же была большой умницей и автором нескольких изобретений в области космонавтики. По-моему, она и сейчас там... Да, однажды она и меня как-то очень по-мужски прижала к стене, потребовав ласк, но я отшутился. Вообще, я по жизни неадекватно реагировал на женскую инициативу – она убивала мой секс, которому всегда требовался азарт охотника и первопроходца.

МНС+

Женщина – существо вертлявое, беспокойное, чувственное и крайне любопытное. Сначала она ищет принца, потом, найдя ему замену, ищет интереса в жизни, потом, родив детей, пускается в бег за уходящей молодостью, на всех этапах испытывая дефицит любви – ей постоянно ее не хватает, как новых туфель, юбок, колготок, платьев, кофточек, поездок на курорт, выходов в свет. Женщина всегда готова к любви – и мужчина, способный дать таковую хотя бы однажды, имеет почти 100 %-й шанс на успех. Когда женщина заявляет, что она никому не дает, это верный признак того, что она даст. Только не надо просить – она слишком горда, чтобы сделать шаг

навстречу. Надо ее обмануть, проявив якобы силу. И она с удовольствием обманется, проявив якобы слабость.

МНС посторонний

Однажды в длительной командировке я жил в одном южном городе. Чтобы сэкономить на гостинице, я поселился в квартире знакомых чьих-то знакомых. И вот как-то утром раздался звонок в дверь, и женщина, что называется, приятной наружности, возрастом где-то около сорока, спросила, не помогу ли я ей вынуть ключ из замка, а точнее, открыть замок, в котором заело ключ. В квартире у нее остались дети – и ей не войти, не милицию же вызывать.

Я взял плоскогубцы и пошел на выручку. Замок был старый, с большим люфтом. Короче, повозившись минут пять, дверь я открыл, и дети (мальчик и девочка лет шести и восьми) бросились к матери в объятия. Я же пошел к себе, однако вскоре снова раздался звонок в дверь, и та же женщина с милой улыбкой отдала мне оставленные плоскогубцы. При этом мне показалось, что посмотрела она на меня на полсекунды дольше обычного для таких ситуаций. Через час снова раздался звонок в дверь – и я уже не сомневался, что это она. Так оно и было. Женщина сказала, что отвела детей к своей маме, а мне, спасителю, в благодарность принесла шоколадку. Люблю ли я сладкое?

Она волновалась, как бы была сама не своя, но уже не могла остановиться. Я молча обнял ее, прижал к себе, и так мы стояли, и нас трясло. Потом я за руку отвел ее в спальню, усадил на тахту и стал раздевать. „Я сама“, – сказала она. И вот мы разделись и легли. И тут готовность вдруг покинула меня. Не знаю, что случилось – может, ее тело, ее запах были не мои, но мы уже лежали голые, и странно было бы встать и начать одеваться. Женщина увидела мою проблему и быстро своими уже побитыми в борьбе с домашним хозяйством пальцами привела меня в необходимое состояние. Наверное, с час мы занимались любовью, и я полностью реабилитировал себя в ее глазах. Но она была **НЕ МОЕЙ ЖЕНЩИНОЙ**. На прощанье она сказала что-то в том смысле, что я очень избалован их сестрой.

Может, да, а может, нет. Просто у меня стояли перед глазами девочка и мальчик, которых она отправила к своей маме. Или что-то еще, чему нет названия, хотя, казалось бы, трепет, охвативший нас тогда, у дверей, он – оттуда, с небес...

Просто МНС

Думаю, правы те, кто говорит, что не мы, а женщина нас выбирает. Но иногда приходится блеснуть золотой фиксой, чтобы на тебя для начала обратили внимание.

Можно ли соблазнить женщину, которая любит другого? Можно, если у нее с другим нелады. Женщина умеет жестоко мстить своим любимым – так можно невзначай оказаться орудием ее мести.

МНС

Вчера, помаявшись в абсолютном одиночестве над заказной работой (все мои близкие разъехались кто куда), я оседлал свой горный байк и поехал на залив искупаться (напротив гостиницы „Прибалтийская“). Там, как всегда у параша, разный народ тусуется. Приезжают на лимузинах невесты с женихами. Невесты в розово-белых кринолинах, как бабочки, женихи все черном, как жуки... У воды народ пораздетей. Вода чистая, чище, чем в Репино – там она из-за дамбы недополучает невско-ладожской подпитки, цветет и чахнет.

Красоток не было – все красотки как раз и уехали на „вольво“ и „мерсах“ в Репино, – там самая-рассамая новорусская тусня, шашлыки на воздухе под потные хрипы Гарика Сукачева и галифейно-портупейное мужество группы „Любз“, почему-то облаканной президентом Путиным, здесь же остался народ попроще и победнее. Много детей. Одна мамаша лет тридцати (с сухими кистями) и суховатой же грудной клеткой, несоразмерно длинной по отношению к ногам, тощие груденки в дешевом купальнике расположены почти посредине, а не повыше, там, где им

положено, так вот эта самая мамка привлекла мое внимание тем, как она мелиорировала занятую под себя территорию. Прежде чем постелить покрывало на смесь песка и щебенки, она долго детской лопаткой пятилетнего шоколадного сынишки (кстати, пропорционального, видно, в папу) расчищала поверхность, придавая ей идеальный вид. Камни она складывала отдельной горкой, которую затем присыпала песочком, специально приносимым из по преимуществу песочных областей пляжа. Улегшись на покрывало, она вдруг сухими ступнями обнаружила оставшийся непорядок и, сев, стала с той же тщательностью удалять неподобающее. Наконец (прошло не менее получаса) все было фундаментально благоустроено, и женщина легла загорать, но тут же, вспомнив о сынишке, встала проверить, как он там в воде, на песчаном островке. Островок этот, занятый башнестроительной малышкой – мое любимое занятие в детстве, у меня даже есть рассказ „Построй мне башню“ – этот островок предстал ее очам тоже в самом немеолиорированном виде, и она пошла обихаживать и его. Камни сюда, мусор туда, бутылки аж вон куда. Делала она это спокойно, без тени раздражения и недовольства, я бы сказал, самозабвенно, и подумалось – хорошо бы иметь такую вот соседку на своей лестничной площадке.

Когда я, решив искупаться, попросил присмотреть за моим байком, я был приятно удивлен ее негородской приветливой улыбкой и альтовым голосом, которым она выразила не только согласие, но как бы и соучастие в моей маленькой проблеме по охране личного имущества спортивного назначения. Я зашел поглубже и поплыл. Я не ахти какой пловец, но воду люблю. Всем морям, в которых плавал, предпочитаю Черное море, когда ты в ластах, в маске... (Только на Красном было еще ничего, но как-то знобко из-за акул). У меня даже было помповое подводное ружье – ни разу ничего из него не подстрелил, зато фанерных дверей и ящиков пробил немало. Вечером, заряженное, клал его в палатке под правую руку, на случай, если кому-нибудь придет в голову меня грабить и убивать (шутка). Господи, как спокойно, мирно, как безопасно в быту мы жили когда-то. Даже не верится. Бедный мой Крым, любимое место на Земле...

Итак, зашел я поглубже, поплыл и вскоре вижу: впереди навстречу плывет девчоночья головка, плывет как-то отчаянно, носик к небу, как в мольбе, задыхается, кашляет, видно воды наглоталась. Завидев меня, крикнула: „Тут еще глубоко?“ Не отвечая, я рванул к ней побыстрее, подплыл, сказал: не волнуйся я тебе помогу, положи мне руку на плечо. Она меня послушалась, мы поплыли рядом, и через метров пятнадцать я, нащупав ногой дно, спросил:

– Ты как – маленькая или длинная?

– Маленькая, – переводя дух, сказала она.

Держа под мышками, я вывел ее на мель – она и в самом деле была маленькая, девчоночка лет восьми.

– Что ж ты одна так далеко заплываешь? – спросил я. – А если тонешь, нельзя молчать. Кричи: помогите, спасите! – тебя спасут.

Но она уже забыла свои неприятности и едва ли меня слушала. Только еще кашляла отчаянно. А я вспомнил, что сам был в такой же ситуации однажды в детстве и едва не утонул, поскольку молчал. А молчал, поскольку стеснялся.

Выйдя из воды, я поблагодарил свою соседку за хранение моего транспорта – она благосклонно улыбнулась. Растираясь полотенцем, я заметил, что она следит за мной. Я не сразу уловил направление взгляда – ниже моего пупка – неотрывное, несмотря на мои движения и повороты. Уловив удобный момент, я глянул вниз и увидел, что в моих мокрых плавках отчетливо прорисовано мое естество. Я поднял взгляд и встретился в упор с глазами своей соседки. Они смотрели на меня с вызовом и согласием. И я почувствовал, что не отказался бы от нее – маленькой, тощей, плоскогрудой.

МНС минус-плюс

Похожая история (рука на плече) была у меня в Крыму, в Гурзуфе. Я только познакомился с одной молодой женщиной, и мы пошли искупаться – вернее, поплыли в разговорах о том, о сем.

Мы заплыли довольно далеко, не только за буи, но и оставив за спиной рейсовые суда, снующие в обе стороны. И тут моя новая знакомая, прервав светскую беседу, вдруг делает несколько судорожных движений, и я понимаю, что она испугалась. Да, до берега было неблизко, и ей стало страшно, что назад ей не доплыть. Ее буквально парализовало, я же понимающе засмеялся (хотя мне было не до смеха) и сказал, что нет проблем, плывем назад, пусть только положит руку мне на плечо. Так мы и поплыли. Правой она гребла, а левой опиралась на меня. Потихоньку-полегоньку моя новая знакомая успокоилась, и через полчаса мы вернулись к берегу, попав, правда, в целое стадо медуз, что, как вы знаете, довольно мерзко само по себе. Но спутница, поскольку уже поверила в благополучный исход, вытерпела и медуз. Только на берегу я увидел, насколько она устала. Она была еле жива, бледна, с синими губами, хотя улыбалась. Статистика говорит, что на море гибнут прежде всего от страха.

Мы обсохли, переоделись, и я проводил ее до дому.

Продолжения эта история не имела – уж и не помню, почему. Скорее всего, потому, что никто не любит чувствовать себя обязанным. Даже своим спасителям...

МНС

Кажется, у Горького есть рассказ о юной красавице из народа, сидящей на барже, на горе астраханских арбузов. Горький самозабвенно описывает лицо этой красавицы и то чувство, которое она вызывает у героя, но все это трагически прерывается в тот момент, когда красавица открывает рот и изрекает слово, неважно какое, может быть, даже междометие. И очарование, потрясение, восхищение убито. Может, я все переврал в сюжете, так как читал этот рассказ лет сорок с лишним назад. Но суть его именно такова.

Что-то отдаленно похожее я испытал в минувшие выходные дни, когда с пятилетней дочкой отправился на городской залив возле гостиницы „Прибалтийская“. Там чистый песочек, чистая прохладная (ладожская) вода, так как устье Невы рядом. И вот, возвращаясь с дочкой на берег после очередного купания, я увидел, что рядом с нашим полотенцем впритык разлеглись три юные нимфы. В отличие от прочих, они из храбрости, рождаемой коллективизмом, обнажили свои груди. Какие могут быть груди у юных семнадцатилетних нимф? – конечно, красивые. Мужская половина пляжа постепенно перегруппировалась, так чтобы поле зрения постоянно находились три пары девичьих груди. Мне же и вовсе не надо было суетиться, так как они светились прямо у меня перед носом. Да, все бы хорошо, но вот голоса у нимф были самые распэтушные, дебильный хохоток и т. д., что почти напрочь убивало бессмертное очарование женской телесной красоты.

P.S. А вообще созерцание красивой женской груди – это эстетический праздник. Можно было бы устраивать сеансы для излечения мужчин от всяких там комплексов и неврозов. Только пусть демонстрантки на всякий случай хранят молчание.

Просто МНС

История такая: я всегда любил, чтобы во время занятий любовью женщины (девушки) подавали всякие голосовые знаки (одобрения, восторга, удивления, сомнения, неприятия, экстаза, недоумения, отторжения, притяжения). А еще я любил, чтобы все заканчивалось бурно и шумно и желательно с рыданиями (хотя Блок и говорил что „ничего не разрешилось весенним ливнем бурных слез“). Иногда я сам просил девушек (женщин) порыдать в виде маленького дополнительного подарка мне, хорошо потрудившемуся мужчине (юноше). И вот занимаюсь я как-то любовью с одной молодой красивой женщиной, и она, как в моем идеале, каждое мое движение сопровождает соответствующими голосовыми сигналами. Через пять минут меня это стало почему-то раздражать, а через десять минут я сказал, чтобы она замолчала. Она послушалась и стала молчать, как айсберг, и еще через пять минут я почувствовал, что с айсбергом, собственно, и имею дело. Нужно ли объяснять, что копуляция была окончательно испорчена, и мы расстались недовольные друг другом и больше никогда не встречались. В чем там было дело, я так и не

понял, может быть, в тембре голоса, о влиянии какового на психофизику мужского эроса мы говорили вчера, а может, в том, что секс – это не компьютер.

А может, просто мы не любили друг друга.

МНС

Сегодня я это дешифрую как Мы Не Сдаемся.

Однажды, когда мне было двадцать пять лет (пусть мне всегда столько и будет), я отдыхал в Крыму. В тот раз, кажется, в Алушке. Жил на крутом склоне возле моря в одноместной палатке – таком, низкого постава, узеньком гробике. Впрочем, на двоих при желании места хватало. Напротив меня в четырехместной палатке гуртовались шесть темно-загорелых парней, похожих друг на друга, как баклажаны. Были они хохлами из Киева, студентами какого-то тех. вуза, предпочитали говорить по-русски, хотя с тем самым акцентом, о котором нужна отдельная песня.

В один из дней, когда я возился на берегу с маской и ластами, то ли выйдя из воды, то ли собираясь окунуться, с крутого склона, на котором стояли палатки, спустились два моих хохла, усталые, притомленные и жаждущие „купнуться“. Не помню, с чего начался наш разговор, но они сказали, что у них в палатке рыжая девица из Москвы, и что все они ее имеют по очереди, сейчас там с ней четверо осталось. Нет, никакого насилия – все по добровольному приятию и согласию. Поскольку мне не приходилось принимать участия в групповухе, я им не позавидовал. Однако вскоре увидел эту девицу, а на следующий день – еще раз, одну, сидящую на обочине одной из раскаленных улочек полуденной Алушки. Она была великолепна. Копна медно-рыжих выющихся по плечам волос, длинные руки и ноги, тонкие щиколотки, вольный взгляд зеленых глаз – тип распутницы-интеллектуалки. Как-то ночью один их хохлов растолкал меня и попросил перейти в их совместную палатку, поскольку он привел себе девицу для индивидуального пользования. Я вылез, чтобы поменять крышу над головой. Рядом, отвернувшись в смущении, стояла какая-то обыкновенная пигалица... А рыжая, видно, еще не раз навещала хохлам. Потом они снялись с места и, попрощавшись со мной, сказали, чтобы я принял у них рыжую. Я хмыкнул, типа – посмотрим. Но сам не без волнения ждал, что она придет. Она не пришла. Видимо, нашла другой коллектив.

МНС в дороге

В дороге жизненный тонус повышается. Не знаю, с чем это связано, видимо, с наблюдением новых мест, проносящихся мимо. Каждое могло бы быть твоим, в каждом ты жил бы как-то иначе, – в дороге ты пролистываешь книгу нереализованных возможностей, и железы твои работают на всю катушку, дабы вырабатывать гормоны мужества и отваги для покорения неизвестных пространств. Но можно отвернуться от окна, посмотреть внутрь металлической трубы, несущейся по рельсам, и поискать приключений, не отходя, так сказать от кассы. Я их любил – не деньги, приключения. В дороге я любил выпить красного вина и с кем-нибудь познакомиться. И хотя знакомства случались, но редко они доходили до стадии, которую уже можно смело назвать приключением.

Итак.

Обычно я ездил в купейном вагоне. И если в купе оказывалась одинокая (хотя не обязательно) молодая женщина, то это был всегда повод подумать о ее ответственности за мои мысли. А мысли у меня всегда катились в определенном направлении, как наш поезд. Однажды я ехал на юг в соседстве со здоровой молодой бабицей, она, как и я, занимала верхнюю полку – великолепная стартовая площадка для приключения... Ее мужик ехал то ли внизу, то ли, скорее всего, в другом купе, так как МПС (не путать с МНС) всегда продавало билеты с каким-то особым иезуитским подходом – чтобы доставить тебе и твоим близким максимум неудобств. Короче, вечером я по обыкновению принял на грудь в вагоне-ресторане пол-литра сухого вина и завалился на свою верхнюю полку. В купе было жарко, от жары меня еще больше разобрало, и я алчно глянул на соседнюю полку, где уже возлежала моя избранница-бабича. Нужно сказать, что страшна она

была, как крокодил. Но в тот пьяный миг она показалась мне возжеленно-прекрасной (по известной формуле: некрасивых баб не бывает, бывает мало водки).

В полутьме я протянул к ней руку, чтобы дотронуться до одной из ее полувываливающихся из ночной рубашки грудей, но, потом решил, что народ внизу еще не уgomонился и лучше подождать. Пережидая нижнее уgomономление, я не заметил, как заснул, а наутро, проснувшись и еще раз глянув на мою гипотетическую любовницу, сделал глубокий выдох, поблагодарив бога Морфея за то, что отвел от меня этот нечистый искуc и вовремя смежил мне веки.

* * *

Вторая история полностью противоположна первой, хотя сюжет в ней как бы зеркален по отношению к первому. Тоже женщина, но теперь рядом со мной на нижней полке, и тоже какие-то родственники то ли в соседнем купе, то ли на верхних, рано заснувших полках. Тут по зеркалу идут волны, ибо оно кривое, и когда его поверхность снова выравнивается, я вижу перед собой прекрасное женское тело, с которого сползла легкая простынка. Это тело принадлежит брюнетке лет двадцати шести. Тело крупное, но поразительно стройное, великолепная грудь, сильные бедра, от тела этого хорошо пахнет, хотя ему жарко, и все оно при том перетянута сбруей гарнитура из дорогих причиндаликов черного цвета с кружевами, даже на ногах полупрозрачные чулочки, от которых вдоль литых белых бедер тянутся к ажурному поясу ажурные же резиночки с кокетливыми штрипками, под поясом черной летящей чайкой чернеют ажурные трусики, такие же кружева полуприкрывают совершенные полушария грудей, а над всем этим великолепием покоится на подушке прекрасное лицо, с закрытыми глазами, печальное во сне, и сверху вьется вдоль шеи, по плечу и предплечью черная, как бы бегущая к берегу мечты волна волос. Полночи я созерцал эту красоту, как эстет и гурман, не смея до нее дотронуться, чтобы ее не разрушить. Я уже прошел тот возраст, когда мне было совершенно необходимо погрузить свой предмет в знакомую среду упругости и горячей влаги. За прошедшие со дня потери невинности годы я, в общем, понял, что эта среда у всех примерно одинаковая, плюс минус влага, температура и упругость, и что дело совсем не в этом, а в чем-то другом, в любовной игре, в отношениях, в том, как и почему тебе уступают и отдаются или не уступают и не отдаются ни за что. Вот почему я просто недвижно молчал возле этой спящей красоты (как отрок Андрей в Тарасе Бульбе) – и мне этого было достаточно.

МНС в скобках

Совершенно правдивая дорожная история о том, чего не было и не могло быть, с дополнительными мерами безопасности для участников действия.

Однажды я возвращался из Риги. Дело происходило уже в постсоветском (советском, царском) пространстве, потому охотников ехать из Риги в Питер оказалось маловато. В моем четырехместном купе почти до самого отправления было пусто, а потом вошла высокая стройная девица, обратившая на себя мое внимание какой-то не по-русски горделиво выпрямленной спиной да шляпой, какие в Питере еще не носили – большая такая шляпа, в стиле ретро. Девицу сопровождал некто очень смуглый, я видел только его косичку и каштановый отлив щеки. Я полагал, что мы поедем вдвоем – я, она и ее метис-мулат, но, когда поезд тронулся и девица наконец переместилась из узкого коридора в купе, оказалось, что она одна.

Дело было под вечер, но к разговору и знакомству почему-то не тянуло. Я, как водится, читал Владимира Соловьева – я его всегда читаю в поездах, а она, по моим наблюдениям, читал Генри Миллера, а именно „Тропик Рака“. Поскольку мы читали совершенно разнонаправленные произведения, то наши мысли, чувства и взгляды не пересекались. Меж тем сгустились зимние сумерки, явился вечерний чай, а затем пришла пора разбирать постели, что мы и сделали по очереди, деликатно выходя, чтобы не мешать друг другу. Да, молодая эта женщина (лет двадцати двух, мой любимый возраст) имела имя Оксана, и говорила по-русски, хотя и с латышским певучим прононсом. Когда я вошел после разбора постелей, она уже лежала с тем же Миллером в руке, причем одно ее плечо было обнажено и мне настолько понравилось, что я, улегшись,

перестал читать Соловьева, а стал смотреть на это плечо, благо, глаза моей попутчицы были уставлены в книгу.

Наконец она, учуяв мое внимание, подняла их, наши взгляды встретились, и я спросил:

– Нравится?

Она кивнула, тут же показав лицом, что вообще-то читать ей надоело, и она не прочь поболтать. Что мы и начали делать, с каждой минутой все успешнее – факт, лишний раз подтверждающий мое коренное убеждение, что жизнь поинтересней самой блестящей прозы, буде даже с эротической закваской. Мы поговорили о литературе (Оксана оказалась прилежной читательницей), и перешли на ее собственные дела. Она была в каком-то бизнесе и ехала в Питер на три дня, чтобы просто отдохнуть и потратить доллары. Долларов было много, и в „Астории“ для нее был заказан номер-люкс. Поднялась она после студенческой бедности на челночных поездках в Польшу и другие сопредельные с бывшим СССР государства. Но особенно в Польшу. Что-то они увозили, кажется, ювелирные изделия, и чего-то привозили – кажется, всяческие шмотки. Там было дешевле это, здесь – то, первые месяцы горбачевской экономической свободы, когда и были сколочены из ничего, просто из перепродажи, первые состояния. О Польше у нее не осталось никаких воспоминаний, кроме огромного вытоптанного пространства рынка в каком-то приграничном городке, где все это обменивалось, на краю которого длинной полосой, шире государственной границы, лежало и прело человеческое дерьмо (туалетов в зоне свободного экономического предпринимательства тогда не было)

И вот, она, бывшая челночница, стала компаньонкой в каких-то новых делах с латвийской недвижимостью. Короче, мы подружились, и довольно скоро я (без водки и других горячительных напитков) оказался в Оксаниной постели. Было тесновато, но приятно, к тому же без всяких там глупостей, потому что Оксана просто и ясно, как своему, сказала, что сегодня она этим заниматься не намерена, и вообще любит сначала принять хороший душ и т. д., что в дорожных условиях невозможно. Я не стал ни на чем настаивать, решив, что, может, у нее ее *дни*, и ничуть, между прочим, не был этим расстроен – даже наоборот, чувства мои приняли, как в ранней юности, возвышенно-романтическое направление. Да, она позволяла мне ласкать свои красивые груди, но это, как вы понимаете, для взрослых людей занятие вполне нейтральное. Параллельно с дружескими ласками я слушал ее любовные истории, которые, к счастью, не запомнились (чем лишаю оппонентов повода обвинить меня в том, что я разваниваю о них на всю Ивановскую). Запомнилась мне лишь одна многократно повторенная ею фраза, что она умеет делать в сексе такое, что не умеет никто, и что после нее мужчины уже не могут вернуться к своим женщинам. У меня хватило ума не спросить, что же именно она умеет, а она не стала уточнять. Кстати, еще вопрос – решитесь ли вы на близость с женщиной, после которой все остальные перестают для вас существовать? В общем, можно догадаться, что же такое она умела, – это действительно редкий дар, встречающийся разве что у каких-нибудь полинезийцев или галапагосянок, однако его может у себя при желании развить и цивилизованная женщина. Но хватит об этом. Меня она ласкать не стала, но был такой момент, когда мы, полуобнаженные, то есть только в трусиках, обнялись в проходе между нашими лавками, и помню ее какой-то совершенно божественный выгиб, породивший во мне дрожь, которую я тут же постарался унять. Нельзя – так нельзя. Для настоящего мужчины это свято. Настоящий мужчина не только не рассказывает ни о чем, но и ни на чем не настаивает, услышав приветливое женское „нет“.

Да, ночью нас довольно долго терзали сначала латышские, а потом уже наши пограничники с таможенниками, почему-то девицами, которые не без зависти смотрели, как мы тут, голубочки, устроились. Незадекларированные доллары Оксаны лежали в ее косметичке, напоминая баллон с дезодорантом. Одна из таможенниц попросила эту косметичку, и Оксана отдала – притом в ее лице не дрогнул ни один мускул, и, отреагировав на это, таможенница, не раскрывая, вернула косметичку. Да, из Оксаны вышла бы великолепная латышская разведчица, а может, она ею и была.

Утром она отправилась в апартаменты в „Астории“, а я – к себе, на Васильевский остров.

И все? – спросит меня раздосадованный читатель. А где же копуляция, для чего надо было огород городить? Копуляции не было. Ни тогда, ни на следующий день, когда я приехал к Оксане в „Асторию“, чтобы вместе провести вечер. Она сама меня позвала, сказав, что у нее болит спина, которую хорошо бы помассировать – я же еще раньше представился ей лучшим в мире массажистом. Я приехал и, забравшись на ее огромную, как танкодром, постель, всю в белой пене кружев и шелков, действительно довольно долго массировал ей спину, любуясь ее красивым телом топ-модели, с сильными ягодицами, длинными ногами, высокой грудью, прямой, гибкой спиной. Правда, на мой вкус, у нее был чуть длинноват нос – но это придавало ее облику исключительную породистость. Да, выпей мы тогда водки или сделай еще какой-нибудь теплый шажок навстречу друг другу, и, возможно, до сих пор были бы вместе, но в тот момент нам это почему-то не было нужно. Нам и так было хорошо.

Через три дня я провожал ее на рижский поезд. Она снова оказалась одна в четырехместном купе, и мы посидели до отправки, болтая о том, о сем. И только когда по радио объявили, что граждане провожающие должны покинуть вагон, и я встал, прощаясь, она порывисто поднялась с лавки, закинула руки мне на плечи (она была выше меня) и впиалась мне в губы жгучим, страстным поцелуем, вкус которого до сих пор на моих губах. Больше мы с ней не встречались.

МНС в скобках

Далеко не всегда дорожные истории заканчивались невинно.

Городок Феодосия, между прочим, родина Айвазовского, там же галерея его картин. Был там, а может, и есть, дом-музей Александр а Грина. Какой-то дурацкий дневной поезд на Питер после месяца в Крыму. Я загорел, как негр, – синие глаза, улыбка, ставшая по контрасту почти ослепительной, в общем – бестия в шортах. И хотя весь месяц гулял так, что потом одна из историй продолжалась аж лет пять, но чувство такое, что хоть по новой начинай. В купе же у нас собрался девичник – две девчонки лет пятнадцати и уже не девчонка, а девица, лет двадцати двух. Та, которая девица, ничем не примечательная. Но и не противная – так, человек среди людей, женщина среди женщин, короткая стрижка, волосы выгорели, соломенные пряди, фигура ладная, где талия, там талия, ниже тоже так, как должно быть ниже, и грудь на месте. Но я девицу пока не замечаю, как, естественно, не замечаю и пятнадцатилетних пацанок. Одна (из Луганска) за минуту с небольшим может сложить тебе кубик Рубика, притом не глядя, вслепую, другая же поет в детском хоре донецкого радио, у нее особая, четкая до безобразия дикция, формируемая напрягом тонких черствых губок.

На колесах проходит дневное время, я с ними то болтаю, спускаясь со своей любимой верхней полки, песни пою, то, решаю, что пора бы сбегать в вагон-ресторан, которого почему-то не оказывается или он еще закрыт и откроется только на следующее утро. В общем, обычная дорожная дребедень с полем романтики и полем приключений. Наступил вечер – знойный, раскаленный, с алым чистым небосклоном, опускающимся на голое тело земли, как алый шелк. Вот-вот она пойдет кружить в танце искуса и соблазна, и, когда будет сорвано седьмое покрывало, тогда...

Пока же моя двадцатидвухлетняя соседка сходила в туалет и вернувшись, вымытая дешевым, но все-таки мылом, и вычистившая зубы дешевой, но все же пастой („Жемчуг“), легла на свою полку и, совершив под простыней короткий фокус-покус со сниманием лишних одежек, осталась лежать спиной ко мне, как белоснежная гора, с пиком на плече и второй горой на бедре. Я всегда любил горы, а особенно белоснежные, а особенно, когда на них ложился розоватый отблеск заката. Поэтому я, как ребенок к запретному, потянулся к меньшей горе рукой и ощутил под ней приятное на ощупь бедро. Гора живо шевельнулась, потеряв свои формы – на меня смотрело лицо. Оно смотрело с легким удивлением, даже замешательством. Но в нем не было и тени намека на отторжение, неприязнь или, скажем, гадливость, – вещи, которые бывает трудно преодолеть, хотя и такое возможно.

– Спать не хочется, – тихо и мечтательно сказал я, – давай поговорим.

И мы поговорили. О чем – я совершенно не помню. Скорее всего, я читал стихи – этот давно проверенный прием действует лучше всяких насилий с выворачиванием рук и раскрытием ног. Пока я читал стихи, я незаметно завладел ее рукой – она и не знала, насколько это опасно, и тихо, большим пальцем, поглаживал ее кисть сверху и изнутри.

Когда я положил руку ей на грудь, она уже не удивилась и руку хоть и прогнала, но прежде дала ей познакомиться с величиной груди, упругостью, формой соска и ареола. Закат погас, внизу посапывали наши пигалицы, а здесь все только начиналось. Когда, отстояв свою грудь, моя новая подруга, опять решительно повернулась к стенке лицом, восстановив с помощью простыни давешнее подобие двух гор с седловиной, я, уже уверенно взял в жменю это белое покрывало и сдернул с нее. Она пробовала вернуть его, но я не позволил. Сдернув, я с минуту смотрел в густых сумерках на очертания ее обнаженного тела, впрочем, прикрытого в самом уязвимом месте трусиками, а потом одним бесшумным махом оказался на ее полке и впился в губы поцелуем. Она сопротивлялась, но не очень убедительно. Только с трусиками пришлось повозиться, потому что чем-то они ей, видимо, были дороги. Но и трусиков я ее лишил, а вместе с ними последних признаков протеста, и миг, когда я вошел в нее, давно и настолько готовую, что, право, смешна была все эта борьба за честь и достоинство, миг, когда я вошел в нее, полный жажды и страсти и силы, – он был ослепителен и прекрасен. До Питера две ночи пути. И две ночи, отсыпаясь днем, я провел почти без сна, неутомимый, подстегиваемый прежде всего рискованностью всего этого мероприятия

В Питере мы расстались, обменявшись телефонами.

Она училась на последнем курсе в как-то странном заведении, типа университета профсоюзов. Тогда параллельно с нормальными вузами существовала система высшей подготовки всякой-то там будущей партийно-профсоюзной, чиновничьей номенклатуры. Не помню жилищных условий моей дорожной подруги, но помню, что когда я приехал к ней, нам никто не мешал. Но дело не пошло, и мне стало безотраднo и беспросветно, едва я оказался там, где с таким энтузиазмом оказывался всю дорогу. Мне нужен был закат во все небо, покачивающийся вагон, стук колес, скрип верхних полок, проходы проводницы по коридору, внезапно открываемая дверь без защелки: „чайку не хотите?“, заглядывания каких-то безбилетных халявщиков, посапывание наших пацанок, станции, стреляющие светом в незанавешенное окно, – мне нужно было все то, что невозможно было ни воссоздать, ни повторить. Больше я к ней не приходил. Хотя она долго еще звонила.

МНС

Ее собаку звали Альма, и я был в нее безумно влюблен. То есть в хозяйку собаки, конечно. Хозяйка была красавицей. Ей было восемнадцать лет, а мне сорок два, и я был безумно в нее влюблен – просто сбрендил.

Все началось с кортов, что возле моего дома. До сих пор не знаю, как тогда ее сюда занесло, – жила она далеко, на Гражданке, станция метро „Академическая“... В теннис она не играла. Просто была с подругой и каким-то юношей – все трое, держа по-дилетантски деревянные ракетки, по-дилетантски же перекидывали мяч. Я предложил четвертым. Нет другой игры, в которой так очевидно проявлялся бы человек. Я сразу прочел в Маре доброту, отзывчивость и партнерство. Способность женщины к партнерству – вещь редчайшая, и я запал.

Кажется, в тот первый раз мне удалось всучить ей свою визитку, на которой было написано, что я член всех творческих союзов Советского Союза. Тогда, в 84-м, это звучало. И она мне позвонила. Говорила свободно, насмешливо, самоиронично, с паузами, в которых я слышал посторонние звуки – стук посуды, плеск воды. Оказалось, что звуки эти доносятся из посудомойки летнего кафе, пристроившегося к станции метро „Горьковская“ на Петроградской стороне.

– Вообще-то я учусь, а тут подрабатываю, – сказала она.

– Я тоже работал в посудомойке, – сказал я, – в армии. Могу приехать помочь.

– Спасибо, – усмехнулась она, – мне уже помогают.

И безошибочным ревнивым чутьем я тут же определил, что там, в посудомойке, рядом с ней – мой соперник. Так оно и оказалось. Когда я приехал туда в оговоренный час, он еще был там, высокий и красивый, с длинными, до плеч, волосами и тонкими чертами лица. Она попрощалась с ним и пошла со мной. И то, как он равнодушно принял эту ситуацию, говорило лишь о том, что я для него никто. А он был моим соперником. И очень серьезным. Кажется, они жили в ту пору вместе и, вскоре узнав, что она встречается со мной, он ее избил. И она пришла ко мне, потому что боялась идти домой, где он ее несомненно караулил.

И она осталась у меня на неделю, и в первую же ночь случилось то, о чем я и не мечтал, но я переволновался, как школьник, и затем она поднялась с простыни, села и насмешливо сказала: „И это все?“ Попробую расшифровать ее слова. Там был большой женский опыт, знание мужчин, там был искушенный психолог, по одному взгляду определяющий, с каким случаем на сей раз имеем дело.

„Конечно, не все!“ – заулыбался, а точнее засуетился, запаниковал я, сорокадвухлетний мужик, которому встретишься такая женщина, что весь его немалый опыт обождения, равно как и то, что называется искусством любви, полетело ко все чертям... Она оказалась королевской коброй, а я загипнотизированным кроликом, и прошло немало времени, месяцы прошли, прежде чем я кое-как сравнялся с ней, что-то понял, как-то восстановил паритет.

Она была чуть выше меня (176 см), но каблуки, на которые она перешла, став моделью, подняли ее надо мной на полголовы. Да и вообще она потом поднялась, хотя и не стала учиться дальше, бросив спустя пару лет свой текстильный институт.

А с тем ее другом, моим смертельным соперником, мы еще долго разбирались, прежде чем он отстал. Выгнанный за какие-то прегрешения из Духовной семинарии, он имел странные связи среди ментов, гбэшников, всякой чиновной шушеры, твердил Маре, что она, а заодно и я, у него „под колпаком“...

Самое же горькое, что когда я праздновал окончательную победу, Маре зачем-то срочно понадобилось ехать в Москву. Каково же мне было узнать, что после всех наших объяснений и разборок, когда я за любовь готов был поплатиться жизнью, она поехала – с кем бы вы думали? – да! с ним, своим мучителем и моим смертельным соперником.

Но я был к тому времени так влюблен, что это ей простил. Я сказал себе, что ей нужно время, чтобы расстаться с ним, что такая привязанность говорит даже в ее пользу, говорит, что она неспособна мелочиться, и что все у нее всегда всерьез. И я хорошо помню свое состояние – я стал дураком. Счастливым и несчастным дураком со съезжающей при виде Мары крыши.

Она звонила мне в полночь и говорила:

– Я бы приехала, но уже поздно. Метро закрыто.

– Приезжай, – говорил я, – возьми такси. Я заплачу.

И выходил на лоджию и ждал ее, мысленно моля всех богов о помощи, и меня трясло как в лихорадке. И иногда она действительно приезжала, а иногда – нет. И весь тот первый год был как постоянно ожидание, как смена горечи и безумного счастья. Именно безумного. Мы не подходили друг для друга. Но разве любовь с этим считается?

У нее не было отца, верней, отец был, но пьяница, с которым мать разошлась, когда Мара была еще девочкой-подростком. Женщиной она стала в пятнадцать лет. Мужчины западали на ее красоту. Она была не робкого десятка. Однажды ее заманил к себе в гостиничный номер какой-то здоровенный грузин и попытался изнасиловать. Она мне рассказывала, что когда ей уже казалось, что „дело труба“, в ее руке откуда-то взялся нож, и она воткнула его голому грузину в голый живот. Больше всего ее поразило, как легко нож вошел. Грузин даже не ойкнул – слишком много в нем было адреналина. Он туго затянул раненый живот простыней, и снова бросился на нее. Но от

потери крови стал слабеть, и она сама отвезла его к хирургу, чтобы его зашили. И грузин сказал, что сам напоролся на нож. И обошлось без милиции. И потом он все равно хотел ее видеть.

Жили они с матерью бедно. Мать работала медсестрой в санатории в Репино, и их холодильник, вернее, морозильник, был до отказа забит маленькими порциями того, что отщипывал для себя от скупого санаторного пирога обслуживающий персонал – сливочное масло, мясо, яйца... А у меня водились деньги, и я доставал ей (в ту пору тотального дефицита не покупали, а „доставали“) импортную одежду. Слово „импорт“ было знаком качества. В одну из последних наших встреч, кажется, прошлым летом (она часто приезжает из Милана, где давно живет, в Питер или Москву по делам своего маленького бизнеса), она спросила меня: „Зачем ты меня одевал тогда?“ – „Хотел, чтобы ты была моей женой“, – сказал я. Она и забыла, что я предлагал ей когда-то руку и сердце. Хотя нам удалось прожить вместе под одной крышей не больше недели – мы разругались в пух и прах, и она вернулась к себе со своей собакой.

Потом ее мать вышла замуж и уехала к новому мужу в Салехард, и я сам иногда ночевал у Мары. Я стал выводить ее в „свет“ – то есть посещать с ней советские „элитные“ места, дома писателей, журналистов, композиторов, дом кино... Я даже привел ее на „Ленфильм“ и показал одному из лучших операторов киностудии Валере Федосову, который тут же подвел нас к случившемуся неподалеку Олегу Басилашвили.

„Красивая девушка“, – спокойно констатировал тогда уже очень знаменитый Басик, и я понял, что он совсем не бабник. Но бабниками были другие, – помню раненый, растерянный, несчастный взгляд одного очень известного московского актера, едва ли не главное мужское лицо советского кинематографа восьмидесятых, в кафе Дома кино, куда я однажды заглянул с Марой. Актер этот то и дело искал ее глазами, и я прекрасно понимал, что с ним творится. Я на собственной шкуре испытал это... Когда ты готов бросить все – работу, жену, семью, отречься от всего и от самого себя, упасть к ее ногам, лишь бы рядом, хоть как, хоть на карачках, хоть рабом, хоть последним дерьмом, – авось, а вдруг, а если... Гораций говорил: „Красивая женщина – это мука для глаз“. Если бы только для глаз...

Она приезжала ко мне в Комарово, в Дом творчества писателей, и порой оставалась. И была зима, светило февральское солнце, и мы на лыжах мчались к Щучьему озеру, и я говорил – смотри, запоминай, такого больше не будет. И она говорила – что ты, такое будет со мной много раз! Но я оказался прав, и потом она будет писать мне коротенькие письма из Италии, в которых будут воспоминания и тоска по нашему прошлому и просьба отвечать ей. Но что ответить? Она была замужем за итальянцем, и у них рос сын. А потом от второго мужа, тоже итальянца, она родит дочь... Она получила то, что хотела. Она хотела уехать и уехала. Она сделала свою женскую карьеру, и это я занимался с ней английским, чтобы потом, пока она не выучит итальянский, ее хоть как-то понимали бы в той манящей, как звездный свет, заграничной земле.

Она уедет уже питерской топ-моделью, и я до сих пор храню кипу модных журналов, где она смотрит на меня с глянцевых обложек прекрасными чуть раскосыми глазами лани. Для топ-модели она была слишком красива, да и ее груди, бедра вылетали за стандарт.

Не раз она говорила, что я „главный человек“ в ее жизни. Но меня она не любила, разве что уважала. Или ценила. Или пользовалась мной. Любить для нее было далеко не самое важное. Может, она вообще никого никогда не любила. Хотя от природы была добра, отзывчива, но вместе с тем повелительна, авторитарна, с четким практическим умом, просчитывавшим ходы, как компьютерные шахматы. Чувства ей были даны скорее не для любви, а для занятий любовью. И она никогда не путала одно с другим. Из нее получилась бы отличная шпионка.

Так мы и жили – то приближаясь друг к другу, когда ей это было нужно, то удаляясь. Помню, уже в годы перестройки, какого-то англичанина, мистера Кука, одного из первых бизнесменов, ранними подснежниками появившихся в нашем только что переименованном городе, который по грезде велеречивого Анатолия Собчака готов был развернуться к Западу, к Европе, даже если вся остальная Россия этого поворота не сделает.

Я спросил мистера Кука, не случайно попавшего на показ мод, почему он решил вкладываться в Россию. „Потому что здесь огромное будущее для бизнеса“, – ответил он. „Помогите ей“, –

сказал я ему, указывая на Мару, ослепительно дефилирующую по подиуму. То было время, когда мы, вдруг потеряв сами себя, стали просить Запад о помощи, и цивилизованный мир слал нам посылки с натовскими пищевыми пайками и бэушные шмотки. „Вы ее муж?“ – спросил меня мистер Кук. „Я ее друг“, – сказал я.

Потом, год спустя по первому телевизионному каналу показали сюжет про этого Кука. Его бизнес в России погорел, он был разорен, и, вот, продавал свой последний офис где-то в деловом центре Лондона, на Пиккадилли... Да, многие из тех первых бизнесменов, осмелившихся двинуть в Россию, были разорены, а некоторые даже расстались с жизнью. Но за первыми накатывал вал вторых – этим везло больше.

Я знал, что если Мара не со мной, значит, кто-то у нее есть. Хотя она всегда это отрицала, всегда. И категорически. Словно это было для нее очень важно. И однажды, чтобы уличить ее, я встал в шесть утра и поперся за тридевять земель на ту далекую станцию „Академическая“ и пасся возле ее крыльца, где стояла чья-то „девятка“. В восемь тридцать она вышла из дома в сопровождении высокого незнакомого мне молодого человека, делового и молчаливого, с модным кейсом, под названием „дипломат“. Они сели в машину, он включил двигатель, и тут перед лобовым стеклом появился я – представляю свою перекошенную физиономию – и сделал ей ручкой. Марино лицо вытянулось на неподобающую ее красоте длину.

Думаете, это был конец нашей истории? Как бы не так! На следующий день она мне заплетала уши восьмерками, рассказывая, что это всего лишь друг, который поссорился с женой и ушел из дома, и ему пока негде жить, и что он с ее работы. И самое глупое, что я в очередной раз ей поверил. А может, все так и было... Впрочем, было много чего еще. Помню один ее телефонный звонок, примерно, полгода назад. „С тобой все в порядке? – спросила она. – Ты здоров?“ „Вполне, – ответил я. – А что?“ – „Мне приснилось, что ты...“ – она запнулась.

Но пора рассказать о ее собаке.

Альма была немецкой овчаркой – независимой, но умной и покладистой. Верно, что у глупой хозяйки и собака поглупеет, но это был совсем другой случай. Видимо, собаке было не привыкать, что ее выгуливает очередной друг хозяйки, поэтому и ко мне она отнеслась вполне дружелюбно. Не раз, пока Мара слушала свои вечерние лекции, я гулял с Альмой по пустырям, которые только теперь начали застраивать элитным жильем, и эта умная псина, вынюхивая только ей ведомый сюжет, случившийся на нашем пути, время от времени взглядывала на меня, – то есть, не забывала, с кем гуляет. Помню ее и в Кавголово, куда мы тоже ездили кататься на лыжах – как Альма теряла нас из виду и растерянно носилась вдоль цепочки лыжников... На Маре была желтая куртка. „Она должна тебя по цвету найти“, – сказал я. „Ты что? – сказала она. – Ты что, не знаешь, что у собак черно-белое зрение?“ Надо же – я и не знал.

С Альмой было немало хлопот. Собаку нельзя было оставлять одну более чем на день или ночь, и я приезжал на квартиру Мары, чтобы погулять с ней, если хозяйка уезжала на очередную демонстрацию мод. А то и брал к себе. И Альма меня полюбила. Она ждала меня, радовалась мне, и была счастлива, когда мы шли гулять – вихрем неслась вниз по лестнице, держа в зубах поводок. Она не могла открыть нижнюю дверь во двор, и пока я добегал, порой роняла несколько капель на пол, виновато вилась у ног с поджатым хвостом и искала мой взгляд – дескать, попробуй сам потерпи. У нее был красивый певучий голос – и я всегда различал его среди других собачьих голосов. Я слышал, что она бесстрашная и боевая, и имел случай сам в этом убедиться, когда на пустыре ее неожиданно атаковал здоровенный доберман-пинчер. Я успел дернуть за поводок, подтащив собаку к себе, и пинчер промахнулся, но ту же снова нагло попер в атаку. Альма яростно огрызалась, а я кричал „фу!“ и снова натягивал поводок, оттаскивая ее и не давая вступить в драку. Но настырный пинчер уже готов был ухватить ее за ухо или за шею, и тогда что-то мне подсказало, что надо отпустить Альму, и я отпустил. И в следующее мгновение она молниеносным броском сбила пинчера с ног и ухватила его за горло. Помню растерянность опрокинутого пса, паузу ошеломленного молчания, и конфуз подбежавшего хозяина пинчера, утачившего своего посрамленного хулигана. А моя чудесная героическая Альма всю дорогу до дому поглядывала на меня виновато, ожидая, что я буду ее ругать. Но я не ругал. Я был горд, словно сам одержал эту победу.

Не раз Альма была рядом, когда мы с Марой занимались любовью, и для бедной собаки это было поистине испытанием, – она скулила, мучалась там, на полу, от неразделенности своих собственных чувств и желаний, а однажды просто полезла к нам на кровать, стелая и моля о любви, полезла, несмотря на окрики и кулаки разгневанный Мары.

Альма была уже немолодой собакой, и не помню, чтобы при мне она приносила щенков. Но щенки у нее бывали, хотя и исчезали каждый раз, так и не дав ей испытать чувство материнства. Куда исчезали? Как-то я поинтересовался. Мара мрачно усмехнулась и тихо, словно Альма могла ее услышать и понять, сказала, кивнув на помойку: „Вон туда...“.

А потом Альма заболела. Мара мне звонила, говорила про свою собаку, и в голосе ее слышались слезы. Но я еще несколько раз гулял с Альмой. На спине у нее, чуть ниже позвоночника, вырос бугор – и было уже известно, что это злокачественная опухоль. Я не знал, что у собак бывает рак. Мы гуляли во дворах хрущевок, на окраине спального Питера, где из окон слышались простые голоса трудового или спивающегося люда, а вокруг трусили простые беспородные дворняжки одиноких старух и реже – стариков, которых вообще меньше в России: на десять старух по одному старику...

Я же был с настоящей овчаркой. Она уже не могла бегать, но шла ровно, уверенно, разве что стала молчаливей, задумчивей и обнюхивала неведомые мне истории двора дольше, чем обычно, словно дегустируя их, получая от них особое удовольствие, как от чтения хороших стихов.

И помню последнюю мою встречу с Альмой. Мара отмечала свой день рождения, и я тоже был среди гостей, как бы главным гостем. Думаю, Маре каждый раз приходилось решать головоломку, чтобы интересы ее поклонников не пересекались и не сталкивались нигде и никогда во времени и пространстве. Да, я был главным гостем, и все это принимали как должное. Альма лежала, как все последнее время, под письменным столом, где у нее был свой коврик, – она переселилась туда из коридора, потому что здесь, под столом ниоткуда не дуло. А на дворе стояла поздняя осень. И вот посреди нашего веселья Альма вдруг поднялась на ноги и, ни на кого не обращая внимания, направилась к входной двери. Обычно она так себя не вела – она смиренно и послушно ждала, когда ее позовут гулять. И если даже она по своей инициативе брала в пасть поводок, а Мара прикрикивала на нее, она послушно шла обратно на свой коврик. А тут... Все гости вдруг замолчали и, обернувшись, посмотрели на собаку – столь почему-то значим был этот ее выход. Все мы со своим говорливым весельем оказались словно ниже ее, и я поспешно открыл перед ней дверь и вышел следом, забыв даже снять с вешалки поводок.

Стояла ночь, с первым легким морозцем, и в небе было полно звезд. Альма шла своим привычным маршрутом, на сей раз не оглядываясь, словно меня рядом с ней и не было. Она была одна. Но не потому, что я не взял поводок. Что-то другое, новое, было в ней – будто она не просто гуляла перед сном, а совершала некий таинственный обряд прощания. Она вглядывалась, вслушивалась в темноту, задерживаясь у своих излюбленных мест, и тихо плыла дальше. Над нами светили осенние звезды, но даже если она не видела их, то наверняка чувствовала их присутствие. Ведь и у нее там, в небесах, было свое созвездие.

Потом она сама повернула обратно и, хоть не без труда, но все же поднялась по лестнице на свой пятый этаж. Спустя два дня мне позвонила Мара. „Альма умерла“, – сказала она.

МНС минус-плюс

Это был тот еще кот, хотя его и звали по-простецки Васька. Нет, скорее, ему подошло бы какое-нибудь испанское имя – Мигель или, там, Карлос. Он был черный как смоль, ревнивый как сто чертей и гордый, как идалго. Едва я появился в той квартире, как он меня люто возненавидел. Так может ненавидеть лишь один мачо другого. В один прекрасный день, вернее, в одну прекрасную ночь, я остался у его хозяйки, и он ничего не мог с этим поделать. В ту первую ночь, когда он не давал нам проводить время так, как нам хотелось, прекрасная хозяйка без всякого уважения к его привычному статусу возлежащего рядом на одеяле, выгнала его на кухню, и он, конечно, мне этого не простил. Ее он простил сразу и на все их совместное будущее, потому что она была женщиной, она его кормила, наливала молока и приносила свежую или, на худой конец,

мороженую рыбу, а я был для него никто и никогда ничего ему не приносил, на что, впрочем, у меня были свои причины. Да, я с детства не любил кошек – аллергия на их шерсть и запах – хотя несколько раз, по просьбе дочек пробовал заводить в доме этих халявщиков.

В общем, ему было достаточно и взгляда, чтобы узреть во мне своего врага. Мы с ним не общались, делая при хозяйке, которую оба страстно любили, вид, что не замечаем друг друга. Порой я все же не удерживался и испытывал его гордость. Скажем, в ответ на строгий окрик хозяйки „А ну, брысь отсюда!“ выходит кот из комнаты, подняв хвост трубой, медленно так, с деланной вальяжностью, всем своим видом показывая, что пропускает мимо ушей ее оскорбительный тон, а я ему вслед делаю резкий хлопок ладонями. Кот подпрыгивает от неожиданности, но не убегает, а выступает так же ровно и гордо, как до того. Я снова делаю резкий хлопок, и он снова резко подскакивает, но усилием воли не ускоряет шага. Вот такое животное, полное никому не нужных мужеских достоинств. Я говорю „ненужных“ потому что кошки его давно уже не интересовали.

И вот этот смуглый идальго Карлос-Васька пропал. Прошло два дня – нет кота. И вдруг выясняется, что у соседей на первом этаже в вентиляционной трубе мяукает кошка. Моя хозяйка спустилась туда, окликнула, и Васька отозвался – это был он. А история обычная – мальчишки, это безжалостное племя мучителей всего живого и беззащитного, затащили его на крышу и сбросили в вентиляционный люк. Кот не разбился, поскольку люк слишком узок, и вот теперь он плакал под ухом у соседей с нижнего этажа, плакал и звал на помощь свою хозяйку. Она пыталась его вытащить, опускала в трубу веревку с привязанной тряпкой, но кот не догадывался уцепиться за нее. Она бросала ему сверху еду, и потому кот оставался жив. Но вечно это не могло длиться. Прошла неделя. Кот выл, не давая соседям из нижней квартиры спать. Возможно, он был ранен. Оставалось или отравить его или пробить в кухне стену. Но это была капитальная стена с воздуховодом... Да и соседи не соглашались.

И вдруг меня осенило, и я нарисовал нашей прекрасной хозяйке коробку. Коробка размером с кота была сверху закрыта, а снизу имела открывающуюся крышку. Оставалось только привязать внутри коробки, к самому верху, кусок рыбы или мяса – голодному коту придется залезть внутрь, а при натяжении веревки нижняя крышка закроется...

Все получилось!

Наша прекрасная хозяйка поймала кота с первой же попытки. Карлос-Васька был вытащен, завернут в одеяло и препровожден в квартиру, из которой неделю назад по глупости выскочил за дверь...

Кот не очень пострадал, даже не успел оголодать и быстро оклемался. Однако отношения ко мне не изменил, поскольку даже не мог заподозрить, что я способен сыграть хоть какую-то положительную роль в его жизни. Да, он оказался верным идальго, преданным своей хозяйке до конца, а я вот спустя пару лет исчез, и больше ни разу в той квартире не появился. О чем сожалею.

Да, с того случая прошло лет шестнадцать. Кот умер, а я и его прекрасная хозяйка живем по разные стороны великого города Санкт-Петербурга.

2001